

День спустя. Имперский зал.

Портал в зале открылся, и все члены Верховного совета оказались там.

Вошел Император, а за ним один за другим появлялись силуэты в плащах.

Лишь члены семьи Золдик были без капюшонов. Злая и злобная аура, которую они излучали, становилась все более дикой! Все они удивленно смотрели на молодого Зено.

От Калуты и Киллуа исходила более живая, но все еще зловещая аура.

Затем - Капюшоны.

Все они излучали чрезвычайную уверенность и силу, но таинственное и мимолетное ощущение Братства все же присутствовало.

Окружающие чувствовали, что их жизнь подобна яблоку, подвешенному на дереве и готовому сорваться в любой момент. Силуэты двух мужчин и женщины все еще были различимы.

Все они почтительно склонились перед Советом.

Они знали, что именно этим людям Император доверяет свою Империю.

Император, довольный тем, что продемонстрировал своих детей, громко смеялся:

"Эцио!"

Один из мужчин подошел и снял с него капюшон!

Они увидели волевое красивое лицо молодого человека, когда он снова склонился в почтительном поклоне. У него была такая же безобидная и утонченная осанка, как у Шнайзеля, но от него исходило меньше зла. Первый и Третий Визири инстинктивно поняли, что он "их" человек.

"Как лидер Братства, Эцио будет "призрачным" членом Верховного совета".

Лелуш одобрительно кивнул:

Братство - это способ установить господство на континенте до его завоевания. Его нельзя отследить до Империи, пока нельзя...

Затем он продолжил представлять каждого члена Именованных.

И каждый раз они удивлялись.

Эйвор, от которой исходило ощущение Богини Войны, Кассандра, в которой каким-то образом улавливалась сущность благородства и злобы ведьмы.

И, наконец, Альтаир.....

Этот человек вызывал еще более загадочные ощущения, он словно был свободен от законов мира, как могучий орел, смотрящий на все снизу вверх.

Постепенно настроение становилось торжественным, поскольку они знали, что предстоят щекотливые темы. Марек окинул глубоким взглядом всех членов Братства:

"Эцио, ты немедленно отправляешься в штаб-квартиру, чтобы возглавить Братство. Скажи Йоруичи, чтобы возвращался".

"Да, ваше величество!"

И тут же исчез, как иллюзия. Затем он тепло улыбнулся Кассандре и Каруто:

"Следуйте за ним и следите, чтобы он не совершил никакой ошибки".

Касандра, казалось, немного надулась, прежде чем исчезнуть. Каруто тоже кивнул, прежде чем исчезнуть. Затем он посмотрел на Эйвора:

"Эйвор, ты пока остаешься в Имперской столице. Ты будешь возглавлять часть Бортхерства, отвечающую за миссии за пределами Изначального царства".

Она серьезно кивнула, после чего тоже исчезла. Затем он усмехнулся, глядя на Альтаира и Киллуа:

"У меня уже есть для вас задание, но пока будьте рядом со мной".

"Киллуа, иди и проведи время со своей семьей, они, должно быть, скучали по тебе".

Альтаир, казалось, обрадовался, кивнул и исчез в тених Императорского зала.

Киллуа выглядел раздраженным, но все же выполнил приказ. Семья Золдик исчезла вместе с

ним.

Затем его лицо стало немного торжественным:

"Я обсужу с вами свои решения относительно Пятого приговора. Но что еще важнее..."

Он ухмыльнулся:

"Приготовьтесь, мы наконец-то приступаем к реализации наших планов в отношении мира шиноби!"

Лелуш, Шнайзель и остальные члены Совета кивнули с интригующим огоньком в глазах.

И наконец, все его лицо стало суровым:

"Вызовите принцессу Линаэллу. Одну."

Императорский зал, мужчина молча стоял, размышляя о троне, своем троне, в его голове роились глубокие мысли.

Его новый темный кафтан подчеркивал императорское величие в каждом его движении. Его задумчивое лицо имело более зрелую ауру, не соответствующую его возрасту. Его новое просветленное состояние придавало его поведению некоторую весомость.

Позади него открылась дверь.

Он услышал ее легкие шаги, когда она приблизилась к нему.

Задумавшись о своей широкой спине, он почувствовал себя древним зверем, готовым наброситься на мир. Каждый раз, когда она видит его, угроза, которую он излучает, возрастает в геометрической прогрессии.

"Теперь, когда он привык к власти, он стал еще более непостижимым".

Линаэлла сглотнула. Император даже не повернулся к ней лицом. Он достал из мантии скрипку и начал медленно играть.

Звуки разнеслись по всему Императорскому замку. Он закрыл глаза и только...

...он играл.

Она слышала о том, что некоторые могущественные эксперты Изначального царства часто играют на скрипках. Ей даже довелось услышать музыку Небесного Лотоса.

Это была притягательно красивая мелодия, в которой можно было увидеть всю любовь рыцаря к своему народу, защитные чувства, заботу и любовь ко всем жителям.

В ее Зинтере было столько смысла.

Она никогда не думала, что сможет снова быть так очарована. Но сегодня она оказалась не права.

Эта музыка... Она была спокойной, чрезвычайно спокойной... Но это была не успокаивающая мелодия, не умиротворяющая колыбельная.

Нет, в ней был один смысл:

"Опустошение".

Опустошение, которое наступает после разрушения. словно оплакивая конец света, песня продолжалась, и Линаэлла практически видела пламя разрушения за спиной императора.

Она представляла, как однажды он будет играть эту пьесу, стоя в огне, когда весь континент превратится в пепел.

Он продолжал играть, и песня становилась все более завораживающей.

Как если бы он нашел красоту в конце всего сущего...

Как будто ища покой в аннигиляции.

Как если бы творение нашло спасение только в своем конце.

Затем звук стал медленно затихать, как бы донося до него смысл.

Он опустил скрипку на Трон и медленно повернулся.

Спустя столько недель они впервые встретились взглядами. Линаэлла была потрясена его черными глазами без зрачков. Он слегка улыбнулся и произнес:

"Сестра моя, я полагаю, что наш разговор давно назрел".

"Думаю, мы оба достаточно наслушались о вас. Поэтому говорить буду я".

Он медленно подошел к ней:

"Насколько я могу судить... В твоем сознании есть три цели, чтобы сделать то, что ты сделала два дня назад".

Он продолжал широко улыбаться:

"Первая - разжечь еще большую ненависть между мной и Империей Сахарос".

"Заставить меня убить Пятый Приговор, чтобы война была объявлена гораздо раньше, чем ожидалось".

"Заставить Империю Сахарос напасть на нас до того, как мы вырастем".

Он сделал еще один шаг:

"Второе - заставить меня ненавидеть вас, совершив грех сговора с нашими самыми ненавистными врагами".

Он сузил глаза:

"Третье - заставить меня убить тебя или, точнее, позволить сделать это другим. Вот почему вы подняли такой шум на Верховном совете".

"Вы, должно быть, действительно привязаны к "той" организации..."

"Чтобы ты умерла, чтобы я не смог их отследить".

Лицо Линаэллы впервые исказилось. В ее глазах отразились разочарование и нежелание:

"И что с того, что ты все это знаешь? Все сказанное мной - правда. Только один из нас может выжить".

Марек лишь сдержал улыбку:

"Давайте не будем заикливаться на этом, хорошо? Давайте лучше поговорим о более важных вещах, например, о том, что вы сказали обо мне..."

Линаэлла тут же ответила:

"А разве "эти вещи" важнее, чем то, о чем говорилось ранее?"

Услышав ее, Марек рассмеялся с легкой насмешкой в глазах:

"Сестра моя, похоже, ты сильно заблуждаешься".

"Ничто на этом континенте Астарот не является для меня "высокой ставкой". Ничто не может заставить меня почувствовать хоть какую-то угрозу".

"Этот континент, которым вы так дорожите, для меня не более чем тренировочная площадка".

"Это место, где я могу проверить мощь своей империи и свое лидерство".

"Это всего лишь учения, они даже не задевают моего беспокойства".

"Ваша организация, Империя Сахарос, даже не вызывает у меня беспокойства".

Линеалла, ощущавшая тяжесть каждой его насмешки, была вынуждена ответить:

"Вы, кажется, вполне уверены в себе".

Марек отрицательно наклонил голову:

"Уверенность появляется только тогда, когда есть вызов".

Затем он снова повернулся:

"Я хотел сказать, дорогая сестра... Все, что ты обо мне сказала, - правда".

Линаэлла сузила глаза.

"Я действительно, как вы сказали, "безумен"".

Затем он повернул голову со злобной улыбкой, и его тело медленно поплыло вслед за ней, а лицо все ближе и ближе приближалось к лицу принцессы:

"Позвольте мне рассказать вам о моем маленьком секрете, извращенной привычке, повинном

удовольствии... которое у меня есть".

Он глубоко вздохнул, словно наслаждаясь моментом, и прошептал ей на ухо:

"Каждую ночь..."

"Когда я закрываю глаза... Перед тем как заснуть".

"В моем сознании возникает прекрасный образ".

"Завораживающий образ, который я никак не могу выбросить из головы".

"Вот уже несколько недель он преследует каждую мою мысль".

Он снова глубоко задумался, а его шепот стал чуть громче:

"Знаешь, что я в нем вижу?"

Он жутко улыбнулся:

"Я вижу весь этот континент в огне, горящим..."

"Пылающий, безжизненный и беззаконный....".

Он сделал паузу, и Лина почувствовала, как ее сердце похолодело.

Это чувство, оно взаимодействует со злом.

"И этот образ, он манит меня..."

"Он манит меня до такой степени..."

"Что в каждом моем шаге".

В каждом моем шаге,

В каждом моем решении,

В каждой капле крови, которую я проливаю".

"Я чувствую таинственный и неодолимый восторг, пещерный экстаз".

Он глубоко вдохновлял:

"Потому что каждый раз, когда я снова закрываю глаза".

"Это видение становится все более и более реальным,

"Все более и более захватывающим....".

Затем он отодвинул свой рот от ее уха, и теперь она могла видеть, как на его лице появилась улыбка:

"Я даже чувствовал жаркий огонь войны на своем лице..."

" Плач людей, которые смотрели на нашу династию свысока, звучал в моих ушах как самая прекрасная музыка....".

Он погладил ее по щеке, и холод, который она ощущала, становился все сильнее и сильнее.

Когда она услышала его слова, ей показалось, что она уже там, что ничто в этом мире не может помешать ему осуществить свою фантазию!

"О, сестра... Как я радуюсь, когда их смех превращается в плач,

как их счастье превращается в ужас,

как их гордость превращается в отчаяние".

Казалось, он играет для нее сонату ужасов, в которой обнажает самую темную сторону себя.

Это была не цель... а фантазия, удовольствие, которое он непременно исполнит!

"Как я жду того дня, когда наконец прольется кровь этого континента, отказавшегося подчиниться нашей династии, снова, снова... и снова".

Он продолжал гладить ее дрожащую щеку, словно играя с самой ее душой:

"Видишь ли, сестра моя, я никогда не обижался, когда ты называла меня "Кровожадным".

Его восторженная улыбка продолжала преследовать ее:

"О, действительно, Кровожадный, я такой и есть".

Его глаза были как бездна: иногда они казались безэмоциональными, иногда источали глубокую привязанность:

"Я никогда не обижался, когда ты называла меня "Монстром".

"Потому что это действительно так".

Его удвоенный голос звучал как низкий разрушительный гимн:

"Я никогда не обижался, когда ты называла меня Бедствием".

"Потому что это действительно так, и я очень надеюсь, что так и будет".

Он взял нижнюю часть ее лица в свои руки и демонически улыбнулся:

"Этот континент обречен. Твои надежды на мир бессмысленны. Ваша борьба - проигрышная. И ваше дело бессмысленно".

В его глазах была печаль:

"И все же мы оба знаем, что ты еще не сдался".

Его лицо стало извиняющимся, словно он глубоко раскаивался в чем-то:

"Но, сестра моя..."

" Неважно, насколько велика моя любовь к тебе.

"Мое сердце, к сожалению, достаточно велико, чтобы пощадить твою жизнь."

Он сузил глаза, в них читалась крайняя жалость:

"Значит, ты собираешься тратить свое время на интриги, войны и сопротивление мне".

"Только для того, чтобы шаг за шагом обнаружить, что мои планы глубже твоих".

"Что моя сила превосходит ваши самые смелые фантазии.

"И что моя любовь к тебе никогда не ослабеет".

Жалость охватила все его лицо:

"Раз за разом ты будешь терять все, чем гордился".

"И наконец..."

"... Ты будешь наблюдать, как один за другим умирают самыми ужасными способами все члены народа "Вега", утверждающие, что они разделяют наш Великий характер".

"Вы видите, как мир, за который вы боролись, медленно рушится на ваших глазах".

"И ты увидишь, как все силы, в которые ты верил, увядают перед моим могуществом".

Он продолжил

"Только когда твой маленький крестовый поход закончится..."

"Когда ты окажешься один, в центре огня, который я создал на этом континенте".

"Когда отчаяние станет твоим единственным спутником".

Его жалкое лицо превратилось в светлое и теплое.

"Только тогда я приму тебя обратно с радостной улыбкой на лице".

Улыбка медленно превратилась в жестокую:

"Тогда ты с радостью займешь свое место рядом со мной". "

"Ибо ты наконец поймешь..."

...что то, чего хочет этот император, он всегда получит".

Она дрожала всем телом, проклиная себя за то, что не смогла ответить на его слова!

"Так что нет, моя дорогая сестра.

Я буду очищать империю Сахарос от скверны, когда мне будет угодно.

Я не стану убивать тебя, как ты того так хочешь.

И я всегда буду любить тебя, какие бы маленькие спектакли ты ни устраивала".

Марек вздохнул:

"Веди войны, в которых ты должен участвовать, присоединяйся к тем сторонам, к которым ты должен присоединиться".

"Я не стану наказывать тебя, сестра моя. Потому что..."

"Ад уже ждет тебя".

"Наслаждайся им, пока он длится..."

"Я буду следить за твоей бессмысленной борьбой".

Он повернулся и сказал:

"Можешь идти".

Марек услышал звук закрывающейся двери.

Этой ночью... Все жители Имперской столицы слышали душераздирающие вопли, доносившиеся из Императорских покоев под аккомпанемент призрачно прекрасной скрипки.

Император, игравший на скрипке, смотрел вдаль, в его глазах одно за другим появлялись разные лица...

Лица, которые он взял из воспоминаний Лины, используя свой человеческий путь.

'Подумать только, столько потомков нашей династии...'

Кого же мне убить первым?

Он опустил глаза и увидел, что его некогда гордая сестра дрожит от страха, ее взгляд бесцелен... Ее волосы растрепались от раздумий. Она пыталась найти способ противостоять невозможному.

Он вздохнул, в его сердце поселилась неподдельная грусть:

"Так все и начнется... Твой ад, сестра моя".

<http://tl.rulate.ru/book/63803/3604529>